

Витя Бревис

Актуальные рассказы

Богадельня

Улица называется Блюменштрассе. Дом престарелых частный, и архитектура у него интересная, отличается от других домов на улице. В войну наш городок подчистую разбомбили американцы и потом, в пятидесятые, он застраивался недорого, квадратиш, практиш, гуд – надо было где-то селить людей, ютившихся где попало.

В доме престарелых я теперь работаю инструктором по лечебной физкультуре.

Мой первый пациент сегодня – господин Штиль, благообразный дедушка. Со Штилем мне нужно делать специальные упражнения на равновесие, потому что после болезни он плохо вато держится на ногах. Упражнения ему делать неохота, я не настаиваю. Чего мучить старика? Мы просто разговариваем. Штиль знает три слова по-русски: Hleb, Wodka, Dewochka. Еще он помнит: do Swidaniya Hozyaika nema Kuri nema Yauka. Он был в русском плену, лет пять. Помнит хорошее, и девочки у него там были, и хлеб, и водка. Другие старики про русский плен вспоминать не хотят, темнеют лицом, молчат. Война и эти пять лет, похоже, были самые интересные годы в жизни Штиля, больше он ни о чем не рассказывает. Вскоре Штиль умирает.

Фрау Фабер уверяет, что является на четверть еврейкой. Ее отец, наполовину еврей, проработал всю войну в Берлине врачом в собственной практике. Он вылечил какого-то нацистского начальника и его с семьей так и не тронули. Я не верю фрау

Фабер. Заткни пасть, ругается она, я что, по-твоему, вру? Мы ходим с ней по лестнице, полчаса, вверх и вниз, она очень старается и верит, что у нее получается все лучше и лучше. Потом фрау Фабер умирает.

Фрау Функе всю жизнь проработала школьной учительницей. Она старая дева, очень старая. В ее комнате на полках много книг, я нахожу ее путевые дневники, которые она вела в поездках по Франции шестьдесят лет назад. Фрау Функе почти ничего не соображает, я показываю ей дневники с приклеенными к страницам картинками: «сегодня в Авиньоне дождь, но я все равно вышла прогуляться, там совершенно дивный недостроенный мост, по которому я дошла до середины реки Роны».

Рона! Да! Фрау Функе берет у меня свою старую тетрадку, приближает к глазам, улыбается и не может ничего вспомнить. Она понимает, что не понимает, и смотрит на меня совсем беспомощно. Я хожу к ней много лет, она все живет и живет, непонятно зачем; девяносто, девяносто пять, у нее дорогая страховка, меня оплачивают, не проверяя, я беру с ее полки Шиллера, Гейне и Гете, читаю ей вслух, некоторые стихи она вдруг вспоминает и подхватывает, взгляд ее в эти моменты оживает.

В конце жизненного пути фрау Функе лежит совсем без движения, через желудочный зонд льется жидкая еда, так она тянет еще пару лет, я сижу у ее кровати и читаю положенное время свой фейсбук и держу фрау Функе за руку, на случай, если войдет сестра, – тогда можно будет сделать вид, что я выполняю с фрау Функе упражнения в положении лежа.

Господин Штерн рассказывает мне, как в сорок третьем году трахался в Карпатах с украинкой, зимой, в снегу. У них там была любовь. Он тоже умирает.

У господина Хайнке болезнь Паркинсона, она быстро прогрессирует, лекарства плохо помогают, он ходит все хуже и хуже. Хайнке – гей, у него есть муж, с которым они вместе уже лет сорок. Муж приходит почти каждый день и мы вместе с ним шевелим старому Хайнке руки и ноги, застывающие с каждой неделей все сильнее. Мужу тоже дохрена лет. Хайнке всю жизнь профессионально занимался танцами; в начале болезни он еще ходил, учил меня отличать пасодобль от ча-ча-ча и в хорошие дни нехило вер-

тел скрюченными ногами. Хайнке очень долго и нудно умирает, сначала перестает ходить, потом глотать, потом дышать.

Фрау Химмель нет и восьмидесяти, она по здешним меркам еще огого, и действительно, вполне могла бы жить одна, но кружится голова, боится упасть, переехала сюда из собственного дома добровольно, что редкость. Интересуется мной, эмигрантами, спрашивает о семье. У фрау Химмель оказываются целые залежи одежды, ей порциями притаскивает из дома одежду женщины, которая убирала у нее раньше; гору платьев и блузок некуда девать, я предлагаю Фрау Химмель пожертвовать свои тряпки моей теще в Архангельской области, она с готовностью соглашается. Она планирует продать дом, но очень долго не может избавиться от накопленного там хлама, выбрасывать жалко, ее возит туда эта женщина на машине, и они там вместе думают, что продавать, что дарить, а что все-таки выкинуть. Мы с женой отправляем коробки с химмельским тряпьем в Архангельскую область, теща плачет потом по телефону, что это совсем не ее стиль, и вообще, она не наденет на себя такое говно, и даже отдать его некому, у них приличная деревня, и зачем мы только, все такое цветастое и слишком нарядное. Комната фрау Химмель в богадельне ломится от дорогой мебели, а в доме ее все еще остается много барахла, фрау Химмель внезапно и совсем не больно умирает, видимо, от сердца. Близких у нее нет.

Фрау фон Носке с метастазами рассказывает мне о Лени Риффеншталь и Саре Леандер. Фон Носке – графиня, важная дама, у нее старческая неряшливость и совершенно черные ногти. Она уверяет меня, что немцы не устроили бы войны, если б не Гитлер, а он же австриец, так что немцы не виноваты. Я не спорю. Фон Носке живет у нас месяца два, умирает.

Пожилую чету Раде я вначале посещаю на дому. С тучной фрау Раде я делаю упражнения для спины, а с хером Раде – для ног. Он университетский профессор, биолог, говорит со мной на великолепном немецком, несколько свысока, с причастными оборотами и герундивом. У них частная страховка. Иногда они дают мне чаевые. Большой трехэтажный дом, стиральная машина стоит в подвале, фрау Раде ползком спускается туда по узкой деревянной лесенке с корзиной белья и потом назад, каждый раз

рискуя упасть и переломать себе все, что у нее еще функционирует. Я советую переставить машину наверх, в кухню, но фрау не хочет менять привычную обстановку. Вскоре она и по кухне передвигается с помощью ходунка, и страшно медленно, но все равно корячится с бельем в подвал. Кроме стиральной машины там они хранят минеральную воду, которую фрау Раде тоже таскает оттуда ползком по бутылочке. Ящики с минеральной водой должны стоять в подвале, потому что там им место! Я не спорю. Через полгода супруги Раде тоже приземляются в доме престарелых. Сначала умирает старик, упав в ванной комнате. Медсестры вызвали скорую помощь, девяностолетнего хера Раде честно пытались оживить, но без успеха. Еще через год окончательно сдает фрау, она похудела до прозрачности, лежит в кровати и не узнает родственников. Потом она умирает.

Я тоже, конечно же, умру.

Звали его Дитер

Он написал нескольким берлинским друзьям, что собирает деньги на помощь Украине. Без всякого фонда, просто сам взял и написал. Скинули кто пять евро, кто и пятьсот. Расшарили дальше. Сделали рекламу по универу, где этот Дитер (имя, разумеется, изменено) учится. Плюс телеграм-каналы благотворительные там есть. Набралось тысяч десять. Дитер прилетел в Румынию, взял там машину напрокат, накупил в Metro консервов. Запостил фотки, в ответ ему накидали еще десятку. Дитер вызвал из Берлина приятеля, тоже студента, давай помогай, лети, пока каникулы не закончились, – там у студентов весь март еще каникулы. Взяли напрокат микроавтобус, доехали до переправы на Дунае, у границы сгрузили консервы добровольцу, нашему уже, тот привез консервы мне.

Мы с другом (назовем его, допустим, Игнат) перегрузили все в лифт (грузил, разумеется, больше Игнат, чем я с моими радикалитами), из лифта – в квартиру, сложили в прихожей стопками по сортам. За пару дней раздали нуждающимся, даже очередь стояла. Дитер контролировал процесс по телефону из Румынии.

Мы с Игнатом чувствовали себя почти героями, безмянными деятелями сопротивления, актерами истории.

Скоро сказка сказывается, суть да дело – накидали Дитеру еще тыщ двадцать еврозелени. Прилетел третий студент, помогать. На следующую поездку набралось уже семь с половиной тонн груза. Целая папка румынских чеков для отчетности, а то ж налоговая спросит: что за доходы такие у вас нетрудовые и где, блин, налоги?

На этот раз Дитер приехал в Одессу сам – горячие точки манят, как огоньки в ночи. Колонна микроавтобусов в количестве двух миновала блокпосты, прибыла в Одессу, облегчилась там в четырех пунктах сбора гумпомощи. Консервы, одеяла, много чего.

Усталый, но довольный Дитер позвонил мне. Я, конечно, горячо поздравлял, сильно и совершенно искренне благодарил, спросил, кстати, где он ночевать собирается.

– Эээ, – сказал Дитер.

– Ах, так пусть тебя ко мне везут! Сейчас адрес отправлю.

– Данке, через полчаса буду! – ответил усталый, но довольный Дитер.

– Только у нас выпить нечего, – загрустил я с закидоном, – у нас в Украине. Ты не привез?

– Шайсе. Я не знал. Надо было в Румынии купить. Ну ладно, так посидим, хули. (Ну не прямо хули – наверное, он сказал майн готт, уже не помню точно.)

Друг Игнатий, который у меня сейчас живет, мне не бойфренд, а именно что просто друг. Это, вообще, очень удобно, знаете ли: вроде живешь не один, но никто не забывает, очень рекомендую. У меня свои мальчики, приходящие, у него свои – на кухне, там диванчик есть (квартира, уж извините, однокомнатная). Мой мальчик, слава богам, в этот день взял выходной, закрылся, фигурно выражаясь, на проветривание. А Игнатов мальчик, назовем его Женя, смазливенький такой (хотя мой вот нисколько не хуже будет), сидел в этот час в обнимку с Игнатом у нас на кухне, и жрали они консервы из первого дитеровского гумконвоя. Работы ведь сейчас ни у кого нет, включая меня.

– Девочки, щас немец приедет, так что вы это, поскромнее себя ведите, гут?

– Что? Настоящий немец? А он по-английски говорит?

– Да уж получше вас, наверное.

Дитер бодро выскочил из микроавтобуса, не переставая улыбаться ни на секунду. Еще в лифте он демонстративно выдохнул, сказал, что очень рад, что ему можно наконец расслабиться: полезные знакомства он сделал, город посмотрел, груз сгрузил. Ну и на родном языке теперь можно поговорить без всякого напряжения.

Мальчишки на кухне встретили нас лучезарными улыбками. Они уступили Дитеру место на диванчике. Он просто и буднично, без этой нашей обычной в таких случаях рисовки, вытащил из рюкзака литровую бутылку виски.

– Ого! Где взял?

– На улице. Такой бульвар, знаешь, красивый, там все продается: книги, душгели...

– Ааа! Книжка? Там еще деньги меняют, да? В центре?

– Да. И я попросил виски. Дали.

Улыбки наши стали еще лучезарнее, из глаз полился божественный свет, елей закапал из уголков губ.

– Тут у меня гости, Дитер, ты извини, мы потом в спальню все уйдем, так что кухня будет ночью твоя, спи спокойно, дорогой товарищ.

– Spassibo! Кайн проблем!

Игнат сварил макароны. В макароны он бережно вмазал по баночке говяжьей и свиной тушенки, мы уже неплохо читали румынские этикетки.

После первой рюмки мой друг сразу же потребовал перевести Дитеру вопрос: а как ты относишься к геям. Оказалось, что по-английски Игнат тоже не говорит, совсем, в школе был двоечником, а вот мальчик Женя английский немного все-таки знал. Это упрощало мои переводческие задачи.

– К геям я отношусь отлично. Знаю я вас прекрасно, мой брат тоже гей.

– Заебись! – прокричал Игнат и разлил всем по второй. – Переведи ему.

– Это прекрасно, Дитер! – подумав, перевел я.

– А ты пробовал с парнем? – спросил Женя по-английски с некоторой надеждой.

– Конечно. (В этом «конечно» чувствовалось, что спрашивали часто.)

– И?

– Ну, выяснилось, что не люблю я члены. По девочкам я, с этим ничего не сделать.

Мы помолчали.

– Народ, у меня сейчас урок будет, на часок, так что вы тут пейте, кушайте, я в комнате посижу, онлайн. Всего один ученик остался, ученица, остальные в бегах, не до немецкого им. Так что неразумно будет отменять.

– Натюрлих натюрлих, все ок.

Урок после двух рюмок виски прошел бойчее, чем обычно. На последние двадцать минут я позвал из кухни Дитера, хочешь с девушкой поговорить? Только ты медленно. Ок! Дитер был к тому времени уже сильно воодушевлен, он пел девушке песни на саксонском диалекте, рассказывал про сорта пива, про свою девушку, урок продлился дольше положенного.

После урока Дитер сказал мне следующее:

– Я ни в коем случае не хочу никого дискриминировать, ты, пожалуйста, ни о чем таком не думай, но не мог бы попросить своего друга, эээ...

– Что, Дитер? Говори.

– Чтобы он не трогал меня за жопу. Я абсолютно толерантен, все ок, но сейчас я устал очень, и завтра мне обратно ехать, мне сейчас просто не до этого – даже если б девчонка меня за жопу схватила, мне было бы неприятно. Только ты ему мягко скажи, я не хочу, чтобы он обижался.

Я хотел было что-то возразить насчет девчонки, но дверь открылась, к нам в комнату вошел совершенно голый Игнат с бутылкой из-под виски. Там что-то плескалось, но уже совсем на донышке, такие бутылки бомжи находят иногда в удачных помойках и радостно допивают.

– ****ь алкаш. Какого хера ты трогал Дитера за жопу? Человек гумпомощь собирал для твоей несчастной страны, а ты, диверсант гребаный, вот так себя ведешь.

Игнат широко осклабился, раскинул руки и попер на Дитера извиняться.

– Да оставь же его в покое, придурок.

Я вытолкал вязкого податливого Игната на кухню.

– Иди к своему Жене, извинись, господи, мне стыдно за тебя, как русской интеллигенции за Путина. Да, гарнир какой-нибудь придумай. (Игнат отвечает у нас за питание.)

– Аллес ок! Кайн проблем! – Дитер понимающе улыбался.

Ужинали мы уже без алкоголя, и консервы на этот раз были рыбные. С гречкой. Нельзя же есть постоянно одно и то же. Дитер попросил кетчуп. Кетчуп отсутствовал. Он что-то записал себе в телефон.

Нагой Игнат и легко одетый Женя мацали друг друга уже совершенно в открытую, плохо попадая по целям. Дитмара пора было уводить.

– Девочки. ****ь. У вас есть полчаса. Ему спать пора, устал же.

В комнате я оправдывался перед Дитером, мол, комендантский час уже, куда я их выгоню, и некуда им идти: у Жени предки дома, а у Игната дом вообще в другом городе, если не разбомбили, а ****ься-то хочется, молодые ведь оба. Дитер в ответ заговорил о продуктах, что он привезет еще партию, но не в Одессу, он хочет в Николаев, поближе к линии фронта, там нуждающихся больше. Я посоветовал Мариуполь, на что Дитер ответил, что это уж слишком горячо, чересчур. Мы горько улыбнулись друг другу.

– А как ты вообще пришел к этой мысли, вот так взять и поехать?

– Да вот взял и поехал. Просто.

– Тебе скучно в Берлине, наверное? Движа мало? Слишком все организовано, благополучно?

– Доля правды есть. Но не скучно. Я рейвы люблю, клубы, курнуть могу, нюхнуть, подиджеить или тупо проколбаситься всю ночь. Девчонок люблю. В Берлине с досугом очень даже ок. Но когда это все у вас началось, я подумал, что как-то ведь надо с этим бороться. Воевать я не пойду, это не моя родина, но свою лепту внесу. Примерно так.

Я вышел на кухню с инспекцией. На дитерском диванчике нудно шевелились тела. Женькино орудие приятно удивило размерами. И чего у пассивов вечно такие здоровые? У меня с подобными габаритами жизнь бы по-другому сложилась.

– Кончайте скорее, проститутки.

Дитер уехал в шесть утра. Ему нашли машину с беженцами: папа, мама, дочка и собачка, они направлялись в Кишинев. Дитера посадили впереди, рядом с водителем. Папа ехал только до границы, дальше они планировали передать руль Дитеру, мама водила, но неуверенно. Я вышел с ним в тапках и халате. Было зябко.

– Дитер, они спрашивают, есть ли у тебя права. Поведешь?

– Натюрлих. Кайн проблем. Данке, у тебя было очень уютно. Ауф видерзеен.

Мы обнялись. Я почувствовал, что краснею.

